

К ВОПРОСУ О РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ В ЧЕХИИ В 1848 ГОДУ

И. Удальцов

I

Вопрос о революционном движении в Чехии в 1848 г. не подвергался самостоятельному изучению. Это не значит, что не существует работ, посвящённых событиям 1848 г. в Чехии. Такие работы есть, главным образом, на чешском и немецком языках. Однако немецкие авторы рассматривают эти события лишь как отзвук в австрийской провинции революционного движения в Вене, Венгрии и Германии. При этом немецкие авторы всячески стремятся подчеркнуть несамостоятельный характер политического движения в Чехии и приписать чехам и другим австрийским славянам всю вину за поражение революции в Австрии. В результате в немецких работах описывается не революционное движение в Чехии, а лишь те факты и события, которые дают авторам этих работ основания объявить политическое движение всех классов чешского общества на протяжении всего 1848 г. реакционным и контрреволюционным.

Чешская буржуазная историография посвятила периоду 1848 г. весьма значительное количество работ. Однако чешская буржуазия, как и буржуазия других стран, добившись экономического и политического господства, стала решительно осуждать революционные методы борьбы, вполне основательно опасаясь, что эти методы могут быть применены против неё пролетариатом. В связи с этим и в чешских работах, как правило, политическое движение 1848 г. описывается как единое движение всего чешского народа за осуществление своих «исторических прав», руководимое мудрыми, осторожными и благоразумными «отцами народа» — Палацким, Ригером и им подобными общечешскими политиками, классовая принадлежность которых якобы не имеет значения, так как они отражали интересы всего народа.

В советской историографии вопрос о чешском революционном движении в 1848 г. до настоящего времени также не нашёл сколько-нибудь должного освещения. Более того, те весьма скудные упоминания об этом периоде чешской истории, которые содержатся в некоторых общих курсах по истории Западной Европы, изобилуют весьма существенными ошибками как фактического, так и принципиального характера.

Несмотря на необъективность и очевидную ненаучность точки зрения немецкой буржуазной историографии, она проникла, тем не менее, и в некоторые работы советских историков, упоминающих о политических движениях в Чехии лишь для иллюстрации хода германской революции и для объяснения причин поражения этой революции. При этом нередко эти историки пытаются обосновать оценку движения всего чешского народа в 1848 г. как движения целиком реакционного и контрреволюционного, ссылаясь на Маркса и Энгельса, не проанализировав, однако, к каким классам и к какому этапу чешского движения относится резкая критика политических выступлений чехов со стороны Маркса и Энгельса.

Причина такого неполного, одностороннего, а следовательно, неверного освещения чешского движения 1848 г. состоит прежде всего в том,

что советскими историками до сих пор не подвергнуты научному исследованию коренные вопросы истории Чехии XIX в., в том числе и вопрос о чешском революционном движении в 1848 году. Между тем необходимость такого исследования очевидна.

Разумеется, достаточно полное исследование этих вопросов может быть осуществлено лишь в итоге тщательного изучения относящегося к этому периоду документального материала, прежде всего материала чешских и австрийских архивов. Однако уже предварительное знакомство с печатными источниками и литературой, имеющимися в московских и ленинградских библиотеках, позволяет сделать некоторые выводы, отнюдь не совпадающие с выводами как немецкой, так и чешской буржуазной историографии.

В настоящей статье не представляется возможным достаточно полно изложить события 1848—1849 гг. в чешских землях. Укажем лишь на основные факты, имеющие значение для правильной оценки этих событий¹.

К началу XIX в. земли Чешского королевства, или так называемые «исторические земли» — Чехия, Моравия и австрийская Силезия, — входили в состав Австрийской империи, а вместе с немецкими и славянскими (без Галиции и Истрии) землями Цислейтании — в состав созданного Венским конгрессом в 1815 г. Германского союза.

Единство земель чешской короны было уничтожено, и каждая из них в отдельности входила в состав Цислейтании и имела свой сейм, в котором были представлены дворянство, духовенство и несколько привилегированных городов (для Чехии — 4, для Моравии — 7)². При этом все представители городов, вместе взятые, имели один голос.

Юридически эти земли пользовались в рамках империи известной административной автономией, выразившейся в правах сословных сеймов. Практически же эта автономия была уже давно уничтожена. Формально чешский язык пользовался равными правами с языком немецким в правительственных, судебных и других официальных учреждениях. На деле же повсюду господствовал немецкий язык, а чешский уже давно не имел никаких прав.

Своё политическое господство немцы использовали и в экономической области, всячески стесняя и тормозя развитие чешской экономики.

Все эти обстоятельства не могли не отразиться и действительно отразились в той или иной степени на положении всех классов чешского общества.

Основную массу населения Чехии составляло крестьянство. Всё усиливавшаяся дифференциация в среде дворянства и процесс обезземливания крестьян приводили к сосредоточению в руках отдельных землевладельцев, главным образом немцев, огромных пространств земли, обработка которой производилась зависимыми крестьянами. Среди последних с каждым годом увеличивалось количество лишившихся земли и не ведущих собственного хозяйства категорий сельского населения (домовники, инсты, подёнщики).

Крестьяне — собственники земли, ведущие своё хозяйство, — находились также в весьма тяжёлых условиях. Австрийская система обложения крестьянского хозяйства давила его таким количеством всевозможных повинностей, что выполнение их становилось прямо невозможным. К многочисленным налогам³ прибавлялись ещё значительные расходы на содержание сельских чиновников⁴, а также всевозможные

¹ Настоящая статья представляет собой основные выводы из работы автора «1848 год в Чехии», представленной в редакцию посвящённого 1848 году тома «Всемирной истории».

² *Tobolka Zd. «Politické dějiny československého národa od r. 1848 až do dnešní doby».* Díl. I, 1848—1859, str. 14—15. Praha. 1932.

³ Бах М. «История Австрийской революции 1848 г.», стр. 172—190. М. 1923.

⁴ *Chojacki Ed. «Gzechja i czechowie przy końcu pierwszej potowy XIX stulecia».* II, str. 164—165. Berlin. 1847.

повинности и обложения в пользу государства (военная, земельная, на постройки), общины (на содержание священников, учителей, пастухов) и т. д. При этом главным бременем, под тяжестью которого задыхалось чешское крестьянство, была барщина. Барщина отнимала у крестьянина большую часть его времени и сил и была главной причиной того, что крестьяне всё более запускали своё хозяйство и разорялись, пре-вращаясь в домовников и подёнщиков.

Тяжёлое положение крестьянства вызвало уже в последней четверти XVIII столетия ряд кровавых восстаний, поставивших австрийскую монархию в период царствования Иосифа II перед необходимостью ограничения произвола помещиков. Однако реформы Иосифа II, направленные к освобождению крестьян от личной зависимости⁵, к сокращению барщинных отработок и введению равномерного поземельного обложения⁶, после его смерти в значительной своей части не были осуществлены, и барщина была восстановлена в той степени, в какой она существовала при Марии-Терезии⁷. Вместе с тем были восстановлены и телесные наказания.

Если учесть при этом, что к гнёту экономическому здесь присоединялся ещё и гнёт национальный, так как крупные землевладельцы были в большинстве немцами, то станет вполне понятным, что чешское крестьянство не хотело и не могло мириться со своим положением. Многочисленные волнения и местные восстания крестьян наполняют историю чешских земель в конце XVIII и начале XIX столетия.

Одним из наиболее массовых движений этого периода явился так называемый «моравский заговор» 1796—1797 годов. Центром движения был Новый Город в Моравии⁸. Целью восстания провозглашались освобождение от всех повинностей и достижение полной свободы. В заговоре участвовало сельское население Ново-местского, Ждарского, Литомышльского и других районов, тайно обучавшееся военному делу и имевшее военную организацию.

Крупнейшее восстание крестьян произошло в Моравии в 1821 году⁹. Оно началось в Зноjemском крае и выразилось первоначально в повсеместном отказе от выполнения барщины. Власти, опираясь на войска, попытались принудить крестьян к повиновению. Последние ответили разгромом и поджогом помещичьих имений. Восстание продолжалось около четырёх месяцев. Лишь в июле правительству удалось при помощи регулярных войск подавить восстание. Восставшие не добились уничтожения или облегчения барщины. Напротив того, положение их ещё более ухудшилось.

Хотя эти восстания, так же как и ряд других, более мелких восстаний и не привели к разрешению задач, которые были поставлены их руководителями и участниками, тем не менее они ясно свидетельствовали о том, что экономическое и правовое положение крестьян должно было быть коренным образом изменено.

Значительную часть чешского населения составлял пролетариат. Капитализм в Чехии к началу XIX в. был развит сравнительно слабее, чем в ряде других европейских стран, не испытывавших национального угнетения. Тем не менее он завоёвывал в экономике страны одну позицию за другой. Возникновение первых промышленных предприятий в

⁵ Archiv český čili staré písemné památky české i moravské. Red. J. Kalousek. Díl XXV. Rady selské a instrukce hospodářské 1781—1850. Praha. 1910; dokum. 564 (Patent z 1 listopadu 1781 o zrušení nevolnictví), 565 (patent z 1 listopadu 1781 o vlastnickem práve poddaných ke statkům) a. j.

⁶ Archiv český díl XXV. dok. 600 (Nová uprava bermičná z 20 dubna 1785), 701 a j.

⁷ Franta K. «O vzniku a vyvoji poddanství českého lidu», Kral. Vinohrady, str. 56. 1911.

⁸ Krořta K. «Přehled dějin selského stavu v Čechách a na Moravě», str. 233. Praha. 1919.

⁹ Ibidem, str. 239.

Чехии относится к концу XVII началу XVIII веков¹⁰. Однако число этих предприятий было незначительно. Всё производство в них было основано на ручном труде и сколько-нибудь серьёзной роли в экономике страны они не играли. К началу XIX в. положение резко изменилось и Чехия стала превращаться в наиболее капиталистически развитую часть Австрии, чему в серьёзной степени способствовали проникновение машин и приток из деревни большого количества свободных рабочих рук. Последнее обстоятельство было вызвано частичным осуществлением изданных Иосифом II законов об освобождении крестьян от личной зависимости и усиленном процессе обезземеливания крестьян. Наиболее велик был в Чехии удельный вес текстильной промышленности, стоявшей тогда на первом месте в Австрийской империи по количеству прядильных, ситценабивных и других фабрик, а также по количеству занятых на этих фабриках рабочих. Из 900 тыс. веретён, работавших в 40-х годах XIX в. во всех прядильнях Австрии, 336 тыс. падает на Чехию¹¹. Особенно сильно была развита ткацкая промышленность, в которой было занято 150 тыс. рабочих в Чехии и около 50 тыс. — в Моравии¹². Большое распространение получили и ситценабивные фабрики, число которых к этому времени достигло 70, с 20 тыс. занятых на них рабочих¹³. Несколько десятков тысяч рабочих были заняты в производстве сукна. Центром суконного производства был Либерецкий край, где в 40-х годах имелись уже предприятия, насчитывавшие до 8 тыс. рабочих¹⁴.

Наряду и в связи с развитием текстильной промышленности начинают развиваться и другие отрасли промышленного производства, в первую очередь химическая, машиностроительная, металлургическая и угольная. Общее количество фабрик в Чехии достигает в начале 40-х годов 1389, в том числе 442 текстильных¹⁵. Возникновение этих промышленных предприятий усилило приток в города свободной рабочей силы за счёт обезземеленного крестьянства. Тяжёлые условия труда, растущая безработица и голод вызвали уже в начале 40-х годов волнения рабочих в ряде мест. В 1844 г. произошли крупные голодные бунты в Литомержичском, Кралевоградском и других округах¹⁶, причём ярость рабочих в первую очередь направилась против машин, в которых они видели главных виновников своего бедственного положения. Волнения и бунты, сопровождавшиеся уничтожением машин, вспыхнули в Праге (июнь), а также в Либереце (3 июля), Смихове (15 июля), Чешской Липе (22 июля)¹⁷ и многих других городах. Против восставших были высланы войска¹⁸. Когда же участники волнений, разгромив ряд фабрик и уничтожив множество машин, отправились в количестве нескольких тысяч человек в Прагу для обращения к властям, последние отдали приказ расстрелять голодную толпу.

В связи с тем, что положение рабочих с течением времени не улучшалось и безработные тысячами гибли от голода и эпидемий, волнения продолжались, несмотря на репрессии. Понятно поэтому, что рабочий класс был одним из наиболее революционных факторов в Чехии к началу 1848 года.

¹⁰ Horáček С. «Pocátky českého hnutí dělnického», str. 18. Praha. 1933.

¹¹ Sverma J. «Rok 1848 v Čechách». «Marx—Engels—Lenin—Stalin o Rakousku a české otázce», str. 68. Praha. 1933.

¹² Ibidem.

¹³ Бах. Указ. соч., стр. 147.

¹⁴ Sverma. Op. cit., str. 68.

¹⁵ Horáček С. Op. cit., str. 22.

¹⁶ Ibidem, str. 22—23; Violand «Die soziale Geschichte der Revolution in Oesterreich».

¹⁷ Horáček С. Op. cit., str. 22—24.

¹⁸ Ibidem, str. 24.

Одной из особенностей развития капитализма в Чехии в середине XIX в. явилось то обстоятельство, что более крупная промышленность сосредоточилась главным образом в руках немцев, а средняя и мелкая — в руках чехов¹⁹. В связи с этим национальная чешская буржуазия, конкурировавшая с более сильной экономически буржуазией немецкой, пользовавшейся поддержкой австрийского государственного аппарата, стремилась к завоеванию политических прав, которые дали бы ей возможность вытеснить немецкую буржуазию с господствующих позиций. Это не могло не толкнуть чешскую буржуазию на борьбу против буржуазии немецкой, не могло не толкнуть её на путь обострения национальной борьбы, которая должна была бы привести к установлению господства чешской буржуазии на внутреннем рынке. Чешская буржуазия имела с буржуазией немецкой известные общие цели. Этими общими целями было устранение в Австрии абсолютизма, остатков феодальных отношений, борьба за конституционные свободы и т. д. Этим объясняется тот факт, что в начале движения чешская и немецкая буржуазия в Чехии выступала некоторое время под общими политическими лозунгами.

Вместе с тем буржуазия чешская имела ряд специфических задач, обусловленных её подчинённым положением по сравнению с буржуазией немецкой. Борьба за национальное равноправие, за равенство чешского и немецкого языков в школах, учреждениях и т. п. была, в сущности, формой борьбы чешской буржуазии против немецкого господства в экономической и политической жизни страны. Необходимо отметить, что оппозиция чешской буржуазии по отношению к правительству была перед 1848 г. в известной мере поддержана частью чешского дворянства. Одна часть этого дворянства, почти совершенно онемечившаяся, опиралась на поддержку венского двора, с которым уже давно была тесно связана экономически, политически и лично, и в свою очередь поддерживала его. Другая же часть чешского дворянства стояла на позициях защиты исторических прав чешского королевства, в первую очередь защиты автономии чешского сословного сейма и превращения его в центральный орган для всех земель чешской короны с некоторой законодательной властью. Права и привилегии чешского дворянства воплощались в первую очередь в сословном сейме, в котором оно полностью господствовало. Однако сословный сейм, имевший некогда довольно значительные права (давать согласие на введение новых или увеличение старых налогов, на сбор войска и др.), с течением времени всё более терял значение, в корне подорванное централистской политикой Иосифа II.

Хотя сословный сейм по окончании наполеоновских войн и продолжал время от времени собираться, но вся его деятельность превратилась уже в пустую формальность. За сеймом сохранилось единственное «право» — соглашаться с решениями центрального правительства и способствовать их практическому осуществлению. Естественно, что чешское дворянство стремилось к восстановлению своего бывшего влияния и авторитета, оказываясь в результате этого в известной оппозиции к правительству.

В последние десятилетия перед 1848 г. оппозиционные настроения нашли своё выражение в публицистике²⁰. В предмартовские дни получили широкое распространение в Чехии политические брошюры, исходившие как от кругов оппозиционных, так и от кругов правительственных. Политические брошюры проникали в широкие народные массы и вводили эти массы в круг политических и социальных вопросов. Немец-

¹⁹ См. Masaryk T. «Karel Havleček». Snahy a tuzby politickeho probuzeni. str. 51. Praha. 1904.

²⁰ Heidler J. Čechy a Rakousko v politických brožurách predbřeznavých, str. 7 ad. Praha. 1920.

кие авторы, оппозиционные правительству, в подавляющем большинстве стояли на либеральных позициях и выступали лишь за ограничение абсолютизма и разделение власти между государем и представителями народа, за освобождение государства от влияния церкви, за введение гражданских политических свобод²¹. Вместе с тем ни один из этих авторов не высказывается за полное национальное равноправие. Чешские же авторы, напротив, главным образом, занимались вопросом национальным и высказывались за равноправие чешского и немецкого языков, за самоуправление Чехии в составе Австрии, за восстановление исторических прав чешского королевства²².

К началу 1848 г. у чехов не существовало определённой единой национально-политической программы, вокруг которой могли бы быть объединены все элементы чешского народа. Однако попытки выработать такую программу предпринимались. Они исходили преимущественно из кругов чешской буржуазии, выступавшей в качестве организатора национального и политического движения. Ещё задолго до 1848 г. делались первые попытки создания политических организаций в Чехии. Зародышем таких организаций явились читательские клубы — «беседы». В 1843 г. возникло множество подобных обществ. Все они носили частный характер и создавались для ознакомления с иностранной литературой и публицистикой. В том же году для чешской интеллигенции был открыт доступ в так называемое «Промышленное общество», основанное ещё в 1833 г. и бывшее до 1843 г. чисто немецким обществом²³. Теперь в него вошли историк Ф. Палацкий, доктор Ф. Браунер, писатель П. Троян, адвокат Ф. Ригер и ряд других чешских политиков, в связи с чем общество становится уже чешско-немецким и приобретает политический характер. В 1845 г. в Праге возник новый политический центр — «Мещанская Беседа»²⁴. Чешская буржуазная интеллигенция всё активнее принимает участие в политической жизни страны. Общим лозунгом чешской буржуазии являлось полное национальное равноправие во всех областях экономической, политической и культурной жизни. Однако уже в этот период намечаются два различных течения в политическом лагере чешской буржуазии. Одно из них возглавлялось Ф. Палацким, Ф. Браунером и их сторонниками, участвовавшими в покровительствуемых властями «Промышленном обществе», «Мещанской Беседе» и т. д., и представляло собой основу сложившейся позднее чешской либеральной партии. Во главе другого направления, явившегося в дальнейшем ядром радикально-демократической партии, стояли К. Сабина, В. Вавра, Э. Арнольд и другие лица, создавшие в 1846 г. тайное общество «Рипиль». Это общество, принявшее имя ирландской национальной организации, ставившей своей целью достижение национальной независимости и насчитывавшее около 30 членов²⁵, не было чисто чешским. В нём участвовали и стоящие на позиции борьбы против абсолютизма немцы. Наиболее видными членами общества были: чехи — доктор медицины И. В. Подлипский, писатели В. Вавра-Гашталевский, Я. Кнедльганс-Либлинский, Э. Арнольд, адвокат Ф. Гавличек, Вильгельм Гауч, владелец гостиницы П. Фастер, поэт К. Сабина — и немцы — доктор прав К. Либерт, чиновник магистрата Л. Рупперт и другие²⁶. Некоторые из этих лиц (К. Сабина,

²¹ Heidler J. «Čechy a Rakousko v politických brorurách predbreznových», str. 202.

²² Ibidem, str. 205.

²³ Ibidem, str. 65.

²⁴ Masaryk. Op. cit., str. 52.

²⁵ Dr. Em. rytir Trmal z Toušic. «Vzpominky na český Repeal», str. 3, 4. Praha. 1900.

²⁶ Ibidem; Traub H. «Z počátku rozkolu v české politice». «Český časopis historický», t. XXXVI, str. 90. Praha, 1930; Heidler. «Antonin Springer a česká politika v letech 1848—1850», str. 42. Praha 1914.

Э. Арнольд) находились под сильным влиянием социалистических идей²⁷. Члены этого общества на своих совещаниях занимались выработкой проекта конституционного устройства Австрии на демократических началах. Не ограничиваясь попытками решения вопросов конституционных и иных в своих заседаниях, члены общества вели и агитационную работу среди населения, распространяя листовки и запрещённые в Австрии иностранные политические брошюры²⁸. Общество имело связь с рабочим движением, главным образом с рабочими текстильной промышленности²⁹.

Приведённые факты свидетельствуют о том, что накануне 1848 г. чешское крестьянство, чешский пролетариат и чешская буржуазия не хотели и не могли мириться с существующим положением в рамках абсолютной монархии Габсбургов, не хотели жить по-старому, в связи с чем все эти классы оказались вовлечёнными в той или иной форме и степени в социальное, политическое и национальное движение. Чешское дворянство, стремившееся к восстановлению своих былых прав и привилегий и рассчитывавшее использовать для этой цели борьбу чешских народных масс, также примыкало перед 1848 г. к национальному движению, хотя с началом революционных событий оно отошло от этого движения.

Ни чешское крестьянство, ни чешский пролетариат, ни даже чешская буржуазия не имели ещё в тот период определённой единой политической и национальной программы, не имели единого организационного центра и в связи с этим не могли ещё объединить своих усилий в борьбе с австрийским абсолютизмом.

Вместе с тем, положение в Чехии накануне 1848 г. было чрезвычайно напряжённым и таило в себе целый ряд условий, делавших неизбежным взрыв в самом ближайшем будущем, создавая, таким образом, революционную ситуацию, при которой неоставало только повода, толчка для того, чтобы скрытые до сих пор противоречия обнаружались и привели к столкновению.

Таким поводом, толчком явилась для Чехии, как и для ряда других стран Европы, февральская революция в Париже.

События в Чехии, как и почти повсюду, начались с митингов и петиций, инициатором которых явилась буржуазная интеллигенция.

Непосредственная инициатива созыва первого такого митинга, состоявшегося 11 марта и явившегося первым политическим выступлением народа в Австрии, исходила от членов общества «Рипиль»³⁰, обратившихся 8 марта к населению Праги с воззванием. В этом воззвании, адресованном как к чехам, так и к немцам, выдвигались требования созыва сейма с представительством от всех городов королевства и от крестьянства, вооружения народа, уничтожения цензуры и организации общественных учреждений³¹. Несмотря на попытки властей сорвать митинг, последний состоялся, положив, таким образом, начало политическому движению 1848 г. в чешских землях. Петиция, принятая на этом митинге, содержала требования введения для земель чешской короны единого законодательного сейма, в котором наряду с дворянством и духовенством было бы представлено городское и сельское население: отмены барщины и других феодальных повинностей за выкуп; сокращения постоянного войска и организации гражданской национальной гвардии с выборными офицерами; равенства чешского и немецкого языков во всех областях государственной, полити-

²⁷ Heidler J. Ibidem, str. 44; Traub. Op. cit., str. 91; Masaryk, Op. cit., str. 57.

²⁸ Trmal z Toušic, str 3—9, 26—29; Bajerova A. «Z české revoluce 1848», str. 7 Praha 1919.

²⁹ Malý J. «Náše znovuzrození Příklad národního života českého za posledního pulstoleťi». Cast II, str. 85. Praha, 1880; Horáček, str. 27, 31.

³⁰ Frič Josef V., «Paměti», sv. II, str 247. Praha, 1891; Traub H. Op. cit., str. 90; Bajerová A. Op. cit., str. 27.

³¹ Frič J. Op. cit., str 247—248, II.

ческой и культурной жизни; организации труда и его оплаты; свободы слова, печати, собраний и вероисповедания и т. д.³². Присутствовавшие на митинге пражские немцы присоединились к этим требованиям, подготовленным чехами.

Важно отметить, что чешская буржуазия, за полвека до 1848 г. совершенно не участвовавшая в политической жизни и лишь к 40-м годам выходящая на политическую арену, делает в 1848 г. значительный политический скачок, оказавшись во главе движения не только чехов, но, в начале движения, и немецкой буржуазии Чехии. Так называемые чешские немцы не имели собственной программы и на первом этапе событий следовали за чехами во всех политических мероприятиях, полностью поддерживая программные требования чешской буржуазии, сформулированные в первой и во второй петициях и в других документах этого периода³³.

С целью окончательной формулировки текста петиции и представления её императору собравшиеся избрали комитет, получивший название Святовацлавского (от названия места, где происходил митинг).

В состав Святовацлавского комитета вошли представители чешской и немецкой буржуазии, буржуазной интеллигенции, а также отдельные представители дворянства. Однако это были именно отдельные представители. Дворянство же как сословие не приняло участия в политическом движении 1848 г.³⁴ Комитет, начавший работу немедленно по своём образовании, вскоре подготовил текст петиции, причём некоторыми его членами, возглавленными А. М. Пинкасом³⁵, была сделана попытка выбросить из принятого 11 марта проекта ряд особенно радикальных пунктов, а требование отмены барщины, помещичьих судов и т. д. изложить как пожелание «о соответствующей времени реформе крестьянских отношений». Пинкас пытался выкинуть также и требование расширения представительства в сейме от народа³⁶. Однако радикально настроенная часть Святовацлавского комитета, руководимая рипилистами, возражала против предпринятой Пинкасом попытки. Одновременно развивающиеся события в Вене, Франции, Германии всё более революционизировали и чешское общество, и 17 марта пражский пролетариат и мелкая буржуазия потребовали от членов Святовацлавского комитета возвращения к первоначальному тексту петиции. Комитету пришлось уступить, и 19 марта петиция была отправлена с депутатом ко двору. Эта депутация привезла вскоре ответ императора, обходивший молчанием требование о создании для чешских земель самостоятельного центрального правительства. Вопрос же о соединении Чехии, Моравии и Силезии было обещано передать в дальнейшем на рассмотрение сословий этих трёх земель³⁷.

Такой ответ не мог удовлетворить чешское население, которое потребовало составления новой петиции. Вторая петиция, составленная Святовацлавским комитетом 28 марта, возобновляла в решительной форме все требования первой и подчёркивала, что передача чешских требований на рассмотрение средневековых сословных сеймов не может удовлетворить чешское общество, так как эти сеймы, даже при условии расширения их состава путём включения представителей от городов, не смогут действительно представлять интересы чешского народа³⁸.

³² Cerný J. «Boj za pravo». Sbornik aktu politických u výcech státu a národa českého od. r. 1848. Čast I. str. 12—17. Praha. 1893.

³³ Krofta K. «Cestí němci v roce 1848». «Byli jsme za Rakouska», str. 372. Praha. 1936.

³⁴ Masaryk Op. cit., str. 50.

³⁵ Frič J. Op. cit., II sv., str. 260.

³⁶ Heidler J. Op. cit., str. 38.

³⁷ Cerný «Boj za pravo», I, str. 46—47.

³⁸ Ibidem, str. 58—59.

Между тем в Чехии значительно возросло влияние Святовацлавского комитета. Одновременно с развитием событий внутри комитета всё более усиливается влияние радикально настроенных элементов. В комитете стал назревать раскол, и к концу марта уже определились две основные группировки, из которых одна, «умеренная», проводила закрытые заседания в святовацлавских купальнях, а другая — радикальная — публичные заседания на Софийском Острове. Руководящую роль в этой последней снова играют бывшие рипилисты, к которым теперь присоединяются Карл Сладковский, Иосиф Фрич и ряд других представителей революционного студенчества. Деятельность Святовацлавского комитета, превращавшегося мало-помалу в руководящий орган, опирающийся на народное движение, стала внушать властям серьёзные опасения. Особенно беспокоил правительство рост влияния левого крыла Комитета, представлявшего наиболее радикальную часть чешской буржуазии. В связи с этим земский президент Чехии граф Стадион предпринял попытку ослабить влияние Святовацлавского комитета, решив противопоставить ему новый орган, который находился бы под его воздействием. С этой целью он назначил на 29 марта выборы в «Большой Гражданский Комитет», заявив при этом, что с момента избрания этого органа Святовацлавский комитет должен будет прекратить свою деятельность. Это вызвало возмущение в Праге, где произошли демонстрации и митинги с требованием сохранения Святовацлавского комитета. Стадиону пришлось удовлетворить это требование. Впрочем, он тут же предпринял новую попытку в том же направлении, учредив 1 апреля комиссию для подготовки проектов реформ в области национальной, аграрной, административной и общественной и пригласив в неё ряд представителей Святовацлавского комитета из числа его более умеренных членов. Однако собравшиеся 10 апреля в святовацлавских купальнях пражане потребовали объединения этих двух органов. Граф Стадион согласился, и в результате слияния Святовацлавского комитета с комиссией был образован «Национальный комитет».

На следующий день после образования Национального комитета ездившая со второй петицией в Вену депутация возвратилась с текстом так называемого «Кабинетного листа» от 8 апреля³⁹, в котором наряду с некоторыми уступками (обещание ответственного центрального министерства для чешского королевства, признание принципа равноправия чешского и немецкого языков во всех областях государственного управления и общественного обучения и т. д.), многие требования чехов не были удовлетворены. Так, вопрос об объединении чешских «исторических земель» с предоставлением им автономии теперь передавался уже на разрешение рейхсрата, а не земских сеймов, как это предусматривалось в ответе на первую петицию. Тем не менее представительство от городов значительно увеличилось, и сельское население также получило право быть представленным в сейме.

13 апреля начал свою работу Национальный комитет, в составе которого большинство принадлежало буржуазной интеллигенции, получившей около 70 мест из 140. Остальные места делились между дворянством и духовенством (20) и буржуазией, как чешской, так и немецкой (около 50). Официальной задачей Национального комитета являлась подготовка материалов и проектов к предстоящему Земскому сейму. На деле же комитет всё более определённо превращался в фактическое правительство Чехии. Однако уже через несколько дней после начала деятельности Национального комитета в его среде возникли серьёзные разногласия и борьба, в первую очередь между его немецкими и чешскими членами. В первое время чешские немцы выступали заодно с чехами. Ряд видных немецких руководителей, как Уффо Горн, Руперт

³⁹ Серпу «Voj za pravo», I, str 102—104.

и другие, в публичных выступлениях подчёркивали свою солидарность с чехами⁴⁰.

По инициативе немецкого поэта К. Эберга, Палацким было составлено «Заявление пражских писателей», единогласно принятое 18 марта на собрании чешских и немецких писателей и подчёркивавшее единство обеих национальностей в борьбе за автономию земель чешской короны в составе Австрийской империи⁴¹. В начале апреля было опубликовано второе заявление в таком же духе. Но уже через несколько дней после его опубликования начались расхождения между немцами и чехами. Первые признаки этих расхождений появились после опубликования «Кабинетного листа» от 8 апреля. Значительная часть немцев расценила содержащееся в «Кабинетном листе» признание равноправия чешского и немецкого языков как враждебный им акт. Не желая отказаться от господствующего положения немецкого языка в большинстве областей государственной, политической и культурной жизни, они стали выступать против осуществления равноправия обоих языков⁴². В связи с этим возникли первые разногласия между чехами и немцами в Национальном комитете, в национальной гвардии, студенческих организациях и т. д. Эти разногласия резко обострились в связи с проникновением в среду чешских немцев пангерманских настроений, особенно же в связи с выдвинутым франкфуртским 50-членным комитетом требованием включить австрийские земли, в том числе и Чехию, в состав Германской империи. Это требование встретило решительный отпор всех слоёв чешского общества. Точка зрения руководящих политических деятелей этого общества была выражена Ф. Палацким в «Письме во Франкфурт», явившемся ответом на приглашение принять участие в работе Франкфуртского комитета⁴³.

Сформулированная Палацким в этом письме австрославистская точка зрения стала в тот период господствующей среди чешской буржуазии. Поскольку эта точка зрения предполагала неременное сохранение Австрии в существующих границах, она по существу противоречила интересам европейской революции и была использована в дальнейшем либеральной буржуазией в интересах реакции. Однако необходимо учитывать, что одним из главнейших факторов, вызвавших к жизни эту точку зрения, явились пангерманские тенденции Франкфурта, поддержанные австрийскими (и собственно чешскими) немцами, не желавшими считаться с чешскими национальными интересами и требовавшими включения Чехии в состав Германской империи. С другой стороны, необходимо учитывать и то, что не менее важной причиной возникновения австрославизма явилась предполагаемая чешскими политиками угроза поглощения Чехии царской Россией. Наконец, следует иметь в виду, что австрославистская теория предполагала не просто сохранение Австрийской империи в том виде, в каком она существовала до 1848 года. Напротив, эта теория предполагала преобразование империи Габсбургов в федерацию равноправных национальностей. В связи с этим очевидно, что в момент своего возникновения австрославистская точка зрения не имела определённо выраженного реакционного характера, поскольку в первый период чешского движения (до пражского восстания) она не была использована для прямой поддержки Габсбургской монархии, а служила одним из средств в попытках достижения чехами национального равноправия. Очевидно также, что во второй период движения (после пражского восстания) австрославизм

⁴⁰ Krofta K. «Čeští Němci v roce 1848», str. 373.

⁴¹ Bajerova «Prahášení českých a německých spisovatelů z dne 4 dubna 1848». «Z české revoluce 1848», str. 41.

⁴² Ibidem, str. 43.

⁴³ Palacký Fr. «Spisy drobne». Dil. I. Spisy a řeči z oboru politiky. Praha. 1898. Psáni do Frankfurta, str. 20.

приобрёл определённо реакционный характер, поскольку он был использован чешской либеральной буржуазией для поддержки Габсбургской монархии против революционной Вены и Венгрии.

Вопрос об участии в выборах во Франкфуртский парламент, иначе говоря, вопрос о включении Чехии в состав Германии, привёл к окончательному разрыву между чехами и немцами.

Чешские политические деятели резко выступили против участия в выборах. Немцы же высказались за участие. Когда министр Пиллерсдорф объявил всё же выборы по всем землям империи, в том числе и землям Чешского королевства, в Национальном комитете произошёл раскол. Немецкие депутаты вышли из него и 19 апреля образовали самостоятельный «Конституционный союз» во главе с М. Гартманом, Гроссом и И. Риттером⁴⁴. Этот союз, созданный в качестве противовеса Национальному комитету, ставил своей задачей агитацию за участие во Франкфуртском парламенте и за соединение с Германией.

Таким образом Национальный комитет превратился в чисто чешский орган, стоящий на позиции неучастия в выборах во Франкфуртское собрание.

К этому же времени относится основание чешского национального общества «Славянская липа», первоначальной целью которого было намерение противопоставить немецкой агитации за участие в выборах во Франкфурт чешскую агитацию за неучастие в них⁴⁵.

«Славянская липа» развернула энергичную деятельность в чешской провинции, создав там свои филиалы, библиотеки и т. д. Антифранкфуртская агитация была развёрнута по всей Чехии. Интересным документом, дошедшим до нас и характеризующим содержание и форму этой агитации, является «Краткий катехизис чешского крестьянина», составленный Прокопом Хохолоушком в форме вопросов и ответов. «Катехизис» заканчивается следующим образом: «Вопрос. Чего мы можем ожидать, если подчинимся немцам, приняв участие в выборах во Франкфуртский сейм? Ответ. Великого угнетения от немцев и изменников. Чех снова стал бы презираемым, как до сих пор, не имел бы никакой защиты в учреждениях и права говорить на своём родном языке. Немцы толпами стеклись бы в чешские земли, и чешские крестьяне были бы вытеснены из своих владений; ремесленники в городах не имели бы работы, потому что немецкие фабрики заполнили бы всю страну хотя и более дешёвыми, но негодными товарами; чешские фабрики, в которых тысячи людей добывают себе средства к существованию, погибли бы, поскольку они не могли при меттерниховском режиме стать столь же современными и усовершенствованными, как немецкие, и вскоре весь народ, горожане и крестьяне, обнищали бы и вся страна погрузилась бы в крайнюю нужду»⁴⁶.

Результатом этой агитации явился отказ от участия в выборах в 47 избирательных округах из 68. Из числа 21 избранного депутата трое отказались от мандатов⁴⁷. Таким образом, несмотря на немецкую пропаганду и правительственные распоряжения, по всей Чехии избрано было всего 18 депутатов, почти исключительно немцев.

Борьба по вопросу о выборах во Франкфуртский парламент явилась важнейшим этапом во взаимоотношениях чехов и немцев, этапом, резко обострившим антагонизм между ними.

Одной из важнейших причин этого антагонизма явилось невнимание немецких буржуазных революционеров к чешским национальным ин-

⁴⁴ Heidler J. «A Springer a česká politika v letech 1848—1850», str. 45.

⁴⁵ Ibidem.

⁴⁶ Maršan R. «Čechové a Němci r. 1848 a boj o Frankfurt». Secit 7. Priloha IV, s. 205—206. Praha, 1898.

⁴⁷ Ibidem, Priloha VI, s. 209—212.

тересам, непонимание ими необходимости поддержки чешского национально-освободительного движения, на что, между прочим, уже в 1861 г. указывал Н. Г. Чернышевский⁴⁸.

Вполне понятно, что эта ошибочная и вредная политика немецких буржуазных революционеров и прогрессистов в национальном вопросе была использована венским двором, искушённым в политике стравливания национальностей, для противопоставления немцев чехам и раздувания вражды и борьбы между ними.

С другой стороны, эта политика дала возможность чешским консерваторам провозгласить лозунг борьбы «целого» народа, без различия сословий и классов, против немецкого национализма, отвлекая, таким образом, чешский народ от классовой борьбы.

Разрыв с немецкой буржуазией поставил чешскую буржуазию перед необходимостью искать себе новых союзников. При этом если небольшая часть чешской буржуазии, стоявшая на радикально-демократических позициях, пыталась найти себе союзника в чешском пролетариате и крестьянстве, то большинство чешской буржуазии попыталось опереться для достижения своих целей на национальные движения славянских народов Австрии с тем, чтобы объединить эти движения и стать во главе их. Эта тенденция нашла своё выражение в Славянском съезде в Праге в июне 1848 года.

Выступив организатором этого съезда, чешская буржуазия рассчитывала, между прочим, что ей удастся, встав во главе объединённых сил австрийских славян, среди которых чехи были безусловно наиболее экономически развитой частью, добиться вытеснения немецкой буржуазии с внутреннего рынка и завоевать господство в экономической жизни страны. Это не значит, что мысль о созыве Славянского съезда принадлежала чехам. Она возникла одновременно во всех славянских землях Австрии в апреле 1848 года⁴⁹.

Впервые в печати проект созыва Славянского съезда появился 20 апреля в статье хорвата Ивана Кукулевича, опубликованной в загребских «Национальных известиях»⁵⁰. 30 апреля, в Праге, в доме чешского писателя Я. Воцеля, собрались около 20 чехов и поляков, а также словак Людевит Штур. На собрании был принят предварительный проект обращения ко всем славянам⁵¹.

Однако избранным на собрании в «Мещанской Беседе» Подготовительным комитетом⁵² было решено адресовать приглашение на съезд лишь австрийским славянам. Приглашение, опубликованное в пражских газетах 5 мая⁵³, содержало в конце заявление о том, что если придут на съезд делегаты от неавстрийских славян, то они будут приняты в качестве гостей⁵⁴.

Славянские представители приглашались собраться в Праге для обсуждения об общих делах и о положении, создавшемся в результате объединительных движений у европейских народов, в частности

⁴⁸ Чернышевский Н. «Предисловие к нынешним австрийским делам». Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. VIII, стр. 96. СПб. 1906.

⁴⁹ Tobička Z. «Slovaňský sjezd v Praze roku 1848», str. 45; Černý J. «Slovaňský sjezd v Praze roku 1848», str. 7. Praha. 1888; Wislocki W. «Kongres slowiański w r. 1848; i sprawa polska», str. 22. Lwów. 1927; Moraczewski J. «Opis pierwszego zjazdu slowiańskiego», str. 8. Poznań. 1848.

⁵⁰ Černý. Op. cit., str. 7.

⁵¹ Tobička Z. Op. cit., str. 52.

⁵² В подготовительный комитет вошли: Ф. Палацкий, Ф. Ригер, В. Ганка, К. Зап, В. Штульц, Я. Воцель, К. Эрбен, И. Иордан; бароны: Я. Нейберг и Д. Виллани; графы: И. М. Тун, В. Дейм и В. Гжыбовский.

⁵³ Černý «Slovaňský sjezd», str. 10.

⁵⁴ Zprawa o sjezdu slowańském, Praha. 1848. Vyjimek z «Casopisu českého Museum, ročn. XXII, dil. II, sv. I, Priloha V, str. 17—18.

у германского народа, грозящего включить в свою империю и австрийских славян⁵⁵.

5 мая было опубликовано обращение Подготовительного комитета к неславянским народам Австрии, указывавшее, что предстоящий съезд не имеет враждебных намерений по отношению к этим народам, и подчёркивавшее твёрдое намерение организаторов съезда оставаться верными Габсбургско-Лотарингскому дому и единству Австрийской империи⁵⁶. Некоторые члены комитета и доверенные лица были отправлены в славянские страны для агитации за участие в съезде.

Между тем явился повод для разногласий в Подготовительном комитете. Вызывающая позиция, занятая членами Франкфуртского комитета по отношению к чехам, вызвала возмущение последних. Выступая во Франкфурте с сообщением об отношении чехов к Франкфуртскому парламенту, член комитета Шиллинг заявил: «Поскольку не удаётся сохранить Чехию в составе Германского союза путём убеждения, она должна быть прикована к Германии мечом»⁵⁷.

Отвечая на это заявление в собрании Национального комитета 11 мая, Ф. Ригер сказал: «Я спрашиваю вас, не является ли это нарушением национальных прав: они (члены Франкфуртского комитета. — И. У.) утверждают, что союз князей (Германский союз) уничтожен и что на его месте они хотят иметь свободный союз народов — нам же говорят: если не пожелаете этого — мы принудим вас мечом! На такие аргументы мы окажемся в конце концов вынужденными отвечать цепом!»⁵⁸.

Вместе с тем всё это вызвало попытку со стороны некоторых членов Подготовительного комитета найти новых союзников против Франкфурта. Так, 11 мая доктор К. Гаспар предложил пригласить для участия в съезде итальянцев и румын. Ригер же внёс предложение о приглашении чешских немцев, чтобы отколоть их от Франкфурта. Однако оба эти предложения были отвергнуты большинством членов комитета⁵⁹.

К концу мая большая часть участников съезда съехалась в Прагу. Для практической работы делегаты разделились на три секции — чехословацкую, польско-русиинскую и южнославянскую.

2 июня произошло торжественное открытие съезда, руководители которого в ряде речей всячески подчёркивали мирные намерения и лояльность его участников по отношению к Австрийской империи.

На следующий день, 3 июня, в секциях началось обсуждение предложенной Подготовительным комитетом программы⁶⁰.

При обсуждении главных вопросов программы на пленарных заседаниях, в секциях и комитетах между делегатами съезда имели место серьёзные разногласия. Эти разногласия шли в основном по двум линиям — национальной и партийной. Следует оговориться, что термин «партийные разногласия» для этого периода может быть употреблён лишь условно, так как оформление в партии имевшихся на съезде, главным образом в его чехословацкой секции, политических течений произошло значительно позже. Тем не менее среди участников съезда имелась известная группа радикалов, стоявших на демократических позициях и отстаивавших эти позиции при дебатах по

⁵⁵ Zpráva o sjezdu slovanském. Praha. 1848. Vyjimek z «Casolisu českého Músteu», ročn. XXII, díl. II, sv. I, Priloha V, str. 17—18.

⁵⁶ Ibidem, Priloha II, str. 19.

⁵⁷ Reči dra Františka Ladislava Riegra a jeho jednání v zákonodárných sborech. Díl. I, z let 1848—1849, str. 13. Praha 1883.

⁵⁸ Ibidem; Jahn J. v. F. L. Rieger «Obraz životopisný», str. 28. Praha. 1889.

⁵⁹ Tobolka «Slovanský sjezd», str. 63.

⁶⁰ Размеры настоящей статьи не позволяют включить в неё сколько-нибудь подробное описание деятельности съезда. В связи с этим автор вынужден ограничиться лишь некоторыми общими замечаниями.

главным вопросам. Эта группа была представлена чехами И. Фричем, П. Фастером, В. Гаучем, Ф. Гавличком, К. Сабиной, И. Подлипским, К. Сладковским, поляком К. Либельтом, русским М. Бакуниным и др. Однако она была малочисленна и не имела возможности играть решающую роль в направлении деятельности и решений съезда. Таковую роль на съезде фактически играло большинство чешской секции, возглавленное Палацким и Шафариком, являвшимися противниками всякого радикализма и революционности. Вместе с тем имелось и существенное различие в национальных стремлениях и интересах представителей отдельных славянских народов. Если чехи главной своей задачей ставили достижение национально-политической автономии земель чешской короны в рамках федеративной Австрийской империи, то поляки прежде всего стремились к восстановлению самостоятельной Польши. Если южные славяне требовали полного отторжения от Венгрии и образования для своих земель самостоятельной политической организации, то словаки настаивали лишь на предоставлении им (словакам) равных прав с мадьярами в Венгерском сейме⁶¹. Существование этих различий в точках зрения отражалось на темпах работы съезда, тормозя принятие решений по основным вопросам его программы. С другой стороны, деятельность Славянского съезда, впервые объединившего для обсуждения политических вопросов представителей различных славянских народов, продемонстрировала наличие у этих народов твёрдого намерения добиться осуществления своих национальных прав и объединить свои усилия для достижения этой цели.

Необходимо подчеркнуть, что на съезде господствовала выдвигнутая чехословацкой секцией и поддержанная секцией южнославянской австрославистская точка зрения. Наряду с ней существовала и защищавшаяся поляками точка зрения о необходимости восстановления независимого польского государства. Но на съезде не существовало сколько-нибудь значительного направления, которое отстаивало бы лозунг государственного объединения всех славянских народов с Россией.

В связи с этим является совершенно необоснованным содержащееся в некоторых методических и учебных пособиях по новой истории, изданных в 1939 г. для средней школы, утверждение о том, что «4 июня⁶² 1848 г. в Праге состоялся общеславянский съезд, выдвинувший реакционнейшую идею объединения всех славянских народов в единую славянскую монархию»⁶³.

Такая точка зрения ведёт своё начало по прямой линии от антиславянской агитации немецких пангерманистов, пытавшихся при помощи панславистского жупела запугать неславянские народы и оправдать свои антиславянские действия. В дальнейшем основные элементы этой агитации были восприняты немецкой буржуазной и социал-демократической историографией. Так, Вильгельм Блос писал, что «из хаотических дебатов конгресса... выяснилось только одно, а именно — что все его члены сходятся в мечтах об едином великом славянском государстве и в общей ненависти к Германии»⁶⁴. Между тем очевидно, что австрославизм чехов и южных славян, как и стремление поляков к воссозданию самостоятельного польского государства, отнюдь не совпадают с идеей объединения всех славянских народов в единую славянскую монархию во главе с русским царём.

⁶¹ T o b o l k a «slovansky sjezd», str. 138.

⁶² Кстати, не 4, а 2 июня.

⁶³ Методическое пособие по истории. Вып. 3-й. Новая история 1789—1870 гг., стр. 198. Под ред. А. В. Ефимова. Учпедгиз. М. 1939.

⁶⁴ Блос В. История германской революции 1848 г., стр. 257. СПб. 1906.

Действительно, если бы в 1848 г. существовало сколько-нибудь широкое общественное движение среди славянских народов под таким лозунгом, оно могло бы представить угрозу другим, неславянским народам, свободе этих народов. Однако не существует фактов, которые подтвердили бы наличие такого движения в 1848 году. Напротив, все факты свидетельствуют о том, что об опасности со стороны панславизма больше и громче всего кричали франкфуртские пангерманисты, действия которых действительно угрожали славянским народам, свободе этих народов, поскольку их предполагалось включить в состав Германской империи. Тем не менее отношение к Славянскому съезду, как к антинемецкому и антимадьярскому заговору, получило широкое распространение и оказало известное влияние и на советскую историографию. Например, в учебнике Новой истории для высших учебных заведений говорится, что «...движение австрийских славян было реакционным. Главной задачей этого движения было создание единой славянской монархии»⁶⁵. Здесь говорится о движении австрийских славян в целом. В действительности не существовало единого движения, которое объединяло бы все славянские народы Австрии и все классы этих народов общей программой. В изучаемый период господствовало стремление к сохранению и укреплению Австрии, преобразованной в федерацию равноправных национальностей. В более поздний период, последовавший за поражением пражского восстания, реакционная политика чешской либеральной буржуазии по отношению к венской и венгерской революции проводилась не из стремления к созданию всеславянской монархии, а из боязни перед собственно чешскими пролетариями и крестьянами.

Имеется и несколько другая оценка Славянского съезда в нашей историографии. Так, в другой своей книге проф. А. В. Ефимов пишет: «На конгрессе была выдвинута идея объединения славянских народов. Эта идея, сама по себе весьма прогрессивная, у панславистов-постепеновцев сопровождалась планом монархического устройства славянской федерации в Австрии»⁶⁶. Приведённые в этой цитате положения не могут не вызвать возражений. Прежде всего здесь идея объединения славянских народов оценивается уже как прогрессивная. В связи с этим возникает вопрос: о каком объединении идёт речь? Если о государственном, то такое объединение славянских народов с царской Россией не может быть оценено как прогрессивное. Если речь идёт о культурном единении, то какое отношение это имеет к монархическому устройству Австрии? Если же, наконец, имеется в виду политический союз отдельных славянских народов между собой, то необходимо подчеркнуть, что на съезде речь шла лишь о союзе между австрийскими славянами. Нельзя также согласиться с утверждением о существовании у делегатов съезда плана монархического устройства славянской федерации в Австрии, так как австрославистская теория предусматривала федерацию не только славянских (чехов, словаков, поляков, хорватов, словенцев и т. д.), но и неславянских народов (немцев, венгров, румын, итальянцев и др.). Монархическое же устройство существовало в Австрии и до 1848 года.

Майская революция в Вене усилила симпатии чешской демократии к венским революционерам. Проявления этих симпатий в свою очередь толкнули к сплочению реакционные и консервативные силы. Земский президент граф Тун, отказавшись подчиниться созданному

⁶⁵ Новая история. Часть I (1789—1870). Учебник для исторических вузов, стр. 337. Соцэкгиз. М. 1939.

⁶⁶ Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б). Курс всеобщей истории. Проф. А. В. Ефимов. Новая история (1814—1849), стр. 114. М. 1945.

в Вене правительству, образовал 30 мая «Временный Правительственный Совет», известный более под названием Временного правительства⁶⁷. В состав Временного правительства вошли Ф. Палацкий, Ф. Ригер, Ф. Браунер, Боррош, А. Штробах, графы А. Ностиц и В. Вурмбранд, охарактеризованные Туном в письме к императору как люди благонамеренные, авторитетные, имеющие влияние на партии, а потому полезные для осуществления решений Туна⁶⁸. Участие руководителей Национального комитета во Временном правительстве на деле означало непризнание ими майской революции в Вене, фактическую ликвидацию Национального комитета и сосредоточение всей власти в руках Туна. Всё это вызвало возмущение в рядах революционно настроенной части чешской буржуазии и интеллигенции, образовавшей свой комитет, заседавший в одном из университетских зданий — Каролинуме. Этот комитет был связан с венскими революционерами и польскими эмигрантами и опирался на революционно настроенную часть чешского пролетариата.

Уже в самом начале мартовских событий чешский пролетариат выходит на политическую арену. Именно по его требованию в принятую на первом Святовацлавском собрании 11 марта петицию был включён пункт «об организации труда и его оплаты»⁶⁹. 17 марта рабочие подали Святовацлавскому комитету скреплённое 1200 подписями требование о снижении цен на хлеб, и комитет создал специальную комиссию для работы над этим вопросом. В конце марта вышел первый номер организованной Ф. К. Камцедиком рабочей газеты «Hlásnik»⁷⁰. Рабочие переживавшей экономической кризис текстильной промышленности организовали многочисленные стачки в различных городах страны. В конце мая началась забастовка типографских рабочих, проходившая под лозунгом борьбы за повышение заработной платы. Серьёзные волнения происходили среди ситцепечатников, у которых особенно сильна была безработица и которые выступали с требованием работы, хлеба и ограничения применения машин. 3 июня произошли крупные волнения на императорских мельницах в Бунбече⁷¹, вызвавшие вмешательство войск.

Всё усиливавшаяся, таким образом, революционная ситуация в стране оказывала влияние и на сельское население. Продолжавшиеся волнения крестьян, создавшие угрозу крестьянского восстания, поставили чешское дворянство перед необходимостью пойти на уступки. Представители крупных землевладельцев Чехии подали 20 марта на имя императора петицию, в которой предлагали издать закон о выкупе барщинных повинностей⁷². Ответом на крестьянское движение и на эту петицию явился императорский патент от 28 марта 1848 года. В соответствии с ним выполнение барщинных повинностей в чешских землях должно было быть прекращено к 31 марта 1849 г. за выкуп, размеры которого предполагалось определить в дальнейшем⁷³.

Собравшийся 31 мая Моравский сейм, в котором около двух пятых депутатов были представителями от сельских местностей, принял решение о прекращении барщины в Моравии не с 31 марта 1849 г., а с 1 июля 1848 года⁷⁴. Императору пришлось согласиться с этим решением.

⁶⁷ Cerný «Voj za právo», I, str. 267—268. Prozatímná vláda v Praze.

⁶⁸ Бах. Указ. соч., стр. 318.

⁶⁹ Horáček «Pocátky českého hnutí dělnického», str. 26.

⁷⁰ Ibidem, str. 29.

⁷¹ Ibidem, str. 26.

⁷² Cerný «Voj za právo», I, str. 31—33. Petice velkostádkaru stran zrušení roboty.

⁷³ Archiv český, díl. XXV, dok. 1190, str. 702—703. Patent ze dne 28 března 1848.

⁷⁴ Krojta «Přehled dějin selského stavu v Čechách a na Morávě», str. 242.

Иначе дело обстояло в Чехии. Здесь сейм так и не собрался, и единственным результатом продолжавшихся выступлений за прекращение барщины явились обещания отмены крепостной зависимости, помещичьих судов и т. д., содержащиеся в «Кабинетном листе» от 8 апреля⁷⁵.

Однако крестьянство восприняло патент от 28 марта, как сигнал к немедленному отказу от выполнения барщины и десятины⁷⁶, и попытки властей прекратить крестьянское движение в стране не привели ни к каким результатам.

В такой обстановке в Прагу прибыл 20 мая для вступления в командование расположенными в Чехии войсками фельдмаршал князь Альфред фон Виндишгрец. Надменный аристократ, приверженец габсбургского абсолютизма, князь Виндишгрец был известен кроме того как руководитель кровавого подавления рабочих волнений в 1844 г. и сторонник решительных мер против всяких проявлений оппозиции трону.

С первых дней июня в Праге начались непрерывные военные смотры и учения, город наводнился войсками, что вызывало беспокойство и возмущение во всех слоях его населения.

Пражские студенты, поддерживавшие связи со студентами Вены, выступили инициаторами требований о прекращении военных приготовлений.

Уже 9 июня они расклеили на улицах Праги плакаты, приглашавшие студентов на собрание для обсуждения угрожающего поведения войск. Состоявшееся 10 июня собрание послало к замещающему Виндишгреца эрцгерцогу Карлу Фердинанду депутацию с требованием отмены военных приготовлений, удаления Виндишгреца и выдачи студентам 2 тысяч ружей, 80 тысяч боевых патронов и одной снаряженной артиллерийской батареи. Эрцгерцог переадресовал депутацию к самому Виндишгрецу. Прежде чем идти к нему, студенты обратились к населению Праги с воззванием, в котором предупреждали об опасности, грозящей со стороны реакции, и просили о поддержке своих требований⁷⁷.

Князь Виндишгрец отверг требования студентов, отказавшись вообще их обсуждать.

В ответ на это на состоявшемся в тот же день в святовацлавских купальнях собрания пражан Карл Сладковский призвал население требовать удаления Виндишгреца и отвода из Праги войск⁷⁸, а также принять участие в назначенном на следующий день торжественном богослужении во имя братства. Богослужение имело целью продемонстрировать недовольство населения Праги действиями Виндишгреца. Один из инициаторов этой демонстрации, Ф. Кампелнк, обратился с призывом к рабочим Праги, в частности к печатникам, принять участие в ней⁷⁹. В результате утром 12 июня на Конской площади, где должно было состояться богослужение, собралась огромная толпа народа, в том числе свыше 2 тысяч рабочих⁸⁰. После окончания службы присутствовавшие толпами пошли по улицам Праги. Одна такая толпа направилась ко дворцу Виндишгреца для выражения протеста против его действий, но была расстреляна солдатами. Это послужило сигналом к восстанию. На улицах города немедленно возникли сотни баррикад. Рабо-

⁷⁵ Černý. Op. cit., I, str. 102—104.

⁷⁶ Franta. Op. cit., str. 57.

⁷⁷ Otevrený list hraběte Lwa z Chunu panu Janu Slavikovi, měšťanu pražskému, strany udalosti pražských za dnu svatodušních. Příloha I, str. 13. Praha 1849.

⁷⁸ Popsaní vypuknutí zbouření v Praze dne 12 cervha 1848, na zaklade ouředního vyšetřování sestavene, Otevrený list Lwa z Thunu Slavikovi, str. 14.

⁷⁹ Tobolká. «Slovanský sjezd», str. 180.

⁸⁰ Otevrený list Lwa z Thunu Slavikovi, Příloha I, str. 14.

чие, ремесленники, мелкая буржуазия и революционная интеллигенция Праги вступили в сражение с войсками Виндишгреца.

Восстание вспыхнуло стихийно, оно не явилось осуществлением какого-то определённого плана и не имело единого руководящего центра.

Войска, напротив, давно готовились к выступлению против народа, и уже в полдень 12 июня вызванные Виндишгрецом провинциальные гарнизоны вступили в Прагу⁸¹ и начали наступление на восставших.

Разрозненные, не имевшие единого руководства группы восставших оказали войскам ожесточённое сопротивление. Вместе с чехами на баррикадах сражались и немцы⁸², но руководящая роль на протяжении всего восстания принадлежала чехам. Во главе отдельных групп сражавшихся стояли К. Сладковский, И. Фрич, К. Сабина и другие представители революционной буржуазии и интеллигенции, возглавившие радикально-демократическое крыло в чешском движении 1848 года.

Весть о событиях в Праге привела в волнение провинцию, где немедленно стали формироваться отряды для помощи пражанам.

Руководители повстанцев понимали важность и необходимость поддержки со стороны провинции сражавшихся пражан и предприняли попытку превратить восстание в общечешское. С этой целью уже с утра 13 июня в окрестные города и деревни были посланы делегаты⁸³. В результате многочисленные крестьянские отряды направлялись к Праге. Одним из таких отрядов была занята железная дорога Прага — Пардубице⁸⁴.

Восстание грозило распространиться по всей Чехии. В Праге повстанцами был взят в плен земский президент граф Тун. Рабочие и ремесленники района Праги — Подскалье — превратили свой район в крепость и выстроили понтонный мост через Влтаву, соединивший Подскалье с остальной частью города. Продолжали укрепляться и другие районы. Напуганные перспективой общечешской революции, чешские либералы и консерваторы в лице Палацкого, Шафарика и барона Нейберга уже 13 июня предприняли попытку выступить посредниками между восставшими и Виндишгрецом, чтобы добиться прекращения борьбы. Поддержанные бургомистром и членами магистрата, они получили от Виндишгреца обещание прекратить военные действия, если восставшие освободят графа Туна и уничтожат баррикады. Однако несмотря на то, что Тун был освобождён и в одном из районов города — Малой Стороне — баррикады были разобраны, обстрел Праги не прекратился. Это заставило жителей Старого и Нового города продолжать борьбу. Выпущенный на свободу президент Тун немедленно опубликовал два воззвания. Первое из них было адресовано гражданам Праги и предлагало им убрать баррикады и прекратить сопротивление⁸⁵. Второе было обращено к крестьянам, отряды которых уже приблизились к городу. В этом воззвании крестьяне предупреждались, что в случае их попытки войти в город против них будут применены войска⁸⁶.

Однако борьба продолжалась.

Между тем по указанию Виндишгреца были закончены все приготовления к артиллерийской бомбардировке города, и утром 14 июня она началась.

В это время в Прагу прибыли из Вены правительственные комиссары — генерал граф Менсдорф и надворный советник Клецанский,

⁸¹ Tobolka. Op. cit., str. 184.

⁸² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI, стр. 243; Bajarová. Op. cit., str. 43; Sverma «Rok 1848», str. 84; Maršan. Op. cit., str. 169.

⁸³ Tobolka. Op. cit., str. 184. Uřední zpravy obecních starších kr. hl. města Prahy o udalostech svatodušních.

⁸⁴ A. Bajarová. Op. cit., str. 94.

⁸⁵ Otevřený list Lwa z Thunu Slavikovi. Příloha II, str. 21—22.

⁸⁶ Ibidem, str. 22—23.

посланные Пиллерсдорфом с заданием содействовать прекращению восстания. Многочисленные делегации обратились к комиссарам с просьбой о немедленном отстранении от командования Виндишгреца и выводе войск из Праги. 15 июня комиссары сделали попытку заместить Виндишгреца на посту главнокомандующего Менсдорфом⁸⁷. Однако Виндишгрец вовсе не был намерен отказаться от командования и при помощи офицеров организовал демонстрацию недовольства войск вмешательством комиссаров. Была усилена бомбардировка города, причём от имени войск было заявлено, что в случае отстранения Виндишгреца от командования Прага будет сметена с лица земли.

Тем временем некоторые наиболее радикально настроенные делегаты прекратившего уже свои заседания Славянского съезда попытались предпринять шаги к объединению усилий восставших и к созданию единого руководящего центра.

С этой целью 15 июня в Клементинум, где руководителем восставших был И. В. Фрич, прибыли: мораване — Бедржих Блоудек и Франтишек Зах, словак — Людевит Штур и русский — Михаил Бакунин⁸⁸. На следующий день И. В. Фрич покинул Прагу и отправился в провинцию с тем, чтобы привести на помощь восставшим крестьянские отряды. Но было уже поздно. Виндишгрец принял все меры к тому, чтобы не допустить к городу эти отряды, численность которых превышала уже несколько десятков тысяч человек. Необученные, плохо вооружённые крестьяне не могли противостоять регулярным войскам и 17 июня были разбиты у Беховиц⁸⁹. Таким образом, пражское восстание не получило поддержки извне.

Продолжавший оставаться главнокомандующим Виндишгрец и земский президент Тун 16 июня предъявили восставшим ультиматум, в котором требовали немедленной капитуляции и разоружения⁹⁰.

В то время, как одна группа депутатов Славянского съезда пыталась объединить усилия восставших для продолжения борьбы, другая группа, во главе с Палацким, Ригером и Шафариком, призывала повстанцев капитулировать и сложить оружие⁹¹.

В тот же день началась последняя ожесточённая бомбардировка города, окончательно слоившая силы восставших.

17 июня Прага капитулировала.

С поражением восстания было немедленно введено осадное положение, начались повальные аресты участников восстания, стала действовать специально созданная военная комиссия. Власти воспользовались ситуацией для репрессий не только против радикалов и демократов, но и против либералов и консерваторов.

Был распущен Национальный комитет, а вслед за ним и Временный Правительственный Совет. Все виды гражданского ополчения были разогнаны, все ранее дававшиеся императором и правительством обещания забыты и похоронены.

С поражением пражского восстания заканчивается первый этап политического движения в Чехии в 1848—1849 годах.

Этот этап характеризуется подъёмом массового революционного движения в стране и руководящей ролью в нём радикально-демократического крыла чешской буржуазии и завершается вооружённым восстанием.

⁸⁷ Zpráva dvorních komissarů k ministerium domácích zalezitostí. Otevřený list Thuna Slavíkovi, Příloha III, str. 26.

⁸⁸ Frič J. Op. cit., sv. III, str. 279. Praha. 1891.

⁸⁹ Tobolka «Slov. sjezd», str. 189.

⁹⁰ Zpráva dvorních komissarů. Otevřený list Thuna Slavíkovi, str. 29.

⁹¹ Tobolka «Slov. sjezd», str. 185.

В восстании приняли участие чешские рабочие, ремесленники, мелкая буржуазия и студенчество, а также и немецкий пролетариат. Движение, охватившее провинцию под лозунгом поддержки пражского восстания, распространилось на крестьянство как чешских, так и немецких⁹² районов. Всё это неопровержимо свидетельствует о социальном характере июньского движения.

Несомненно, что этот первый этап чешского движения в серьёзной степени способствовал развитию революционной ситуации в Австрии, укреплял революционные элементы в стране, ослаблял силы реакции, что совпадало с интересами революции в Австрии и Германии. В связи с этим «Новая Рейнская газета», её редакторы Маркс и Энгельс и их сторонники решительно поддерживали этот этап чешского движения, о чём свидетельствуют их статьи, написанные в период пражского восстания⁹³. Часть немецкого пролетариата и крестьянства в Чехии действительно поддержала революционные выступления чехов. Но эта часть была весьма небольшой. Весь же остальной немецкий мир занял по отношению к сражавшимся в Праге враждебную позицию, изображая восстание как панславистский заговор, как антинемецкое движение, хотя, казалось бы венским и другим немецким революционерам надлежало поддержать пражскую революцию всеми силами.

Но этого не случилось.

Наоборот, ещё в ходе восстания немецкая печать была полна измышлений о том, что чехи хотят продать Австрию русскому царю за 7 млн. руб., что чешские политики подкуплены русскими деньгами, что немцам готовится Варфоломеевская ночь, что на пражских немцев составлены прокрипционные списки и т. д.⁹⁴

Поражение восстания было встречено австрийскими, саксонскими, прусскими и другими немцами с огромной радостью. В бесчисленных благодарственных адресах и письмах они называли Виндишгреца спасителем и защитником немецкого дела и столь упорно подчёркивали его античешские мероприятия, что он вынужден был 22 июня издать специальное заявление, в котором писал, что обнажил меч лишь для подавления революции, «но никоим образом не для борьбы против национальных партий»⁹⁵.

Немецкие (и венгерские) буржуазные революционеры и демократы не проявили в 1848 г. революционной последовательности в национальном вопросе.

Только «Новая Рейнская газета», руководимая Марксом и Энгельсом, «с первого же момента выступила в защиту поляков в Познани, итальянцев в Италии, чехов в Богемии»⁹⁶.

Когда разразилось пражское восстание, Маркс писал: «Новая познанская кровавая баня готовится в Богемии. Австрийская военщина утопила в чешской крови возможность мирного сожительства чехов и немцев»⁹⁷. И далее: «Нация, позволившая превратить себя на протяжении всей своей истории в орудие угнетения всех других наций, — такая нация должна раньше доказать на деле свою действительную революционность...

Революционная Германия должна была, особенно в отношении соседних народов, отречься от всего своего прошлого. Вместе со своей собственной свободой она должна была провозгласить свободу тех народов,

⁹² Так, в работе R. Maršana «Čechové a němci r. 1848 a boj o Frankfurt» приводятся факты движения на помощь восставшим пражанам крестьянских отрядов из Гостинного, Трутнова и других немецких районов Болеславского края (стр. 169).

⁹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI. Статьи «Пражское восстание», «Внешняя политика Германии и последние события в Праге».

⁹⁴ Maršan «Čechové a němci r. 1848 a boj o Frankfurt», стр. 171.

⁹⁵ Dodatek k otevrenemu listu strany udalosti pražských za dnúsvatodušňch od hrabete Lva z Thunu. Priloha IV, str. 23. Praha. 1849.

⁹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI, стр. 242.

⁹⁷ Там же, стр. 184.

которые доселе ею угнетались. А что сделала революционная Германия? Она совершенно подтвердила и осватила старое угнетение Италии, Польши, а затем и Богемии при помощи немецкой военщины. Кауниц и Меттерних совершенно оправданы. И после этого немцы требуют, чтобы чехи им доверяли! И после этого осуждают чехов за то, что они не желают присоединиться к нации, которая, освобождаясь сама, в то же время угнетает и оскорбляет другие нации!»⁹⁸

Понятно, что такая политика революционной Германии (и Вены) вызвала решительное сопротивление чехов.

Следствием этого явилось углубление чешско-немецких национальных противоречий и борьбы. В обстановке послеиюньской реакции, когда силы демократии были разгромлены и во главе чешской политики оказались Палацкий и его сторонники, напуганные революционным выступлением пролетариата и крестьянства, это обстоятельство создало им новые возможности для отвлечения чешских народных масс от классовой борьбы, для заключения движения этих масс в узкие рамки борьбы за исторические права земель чешской короны.

Разгром и преследования, которым подверглись чешские демократы после подавления пражского восстания, привели к переходу руководства политическим движением в Чехии в руки чешской либеральной буржуазии, что знаменовало собой начало нового, второго этапа чешского движения. Чешская либеральная буржуазия перешла полностью на сторону реакции как раз в такой момент, который совпал с подъёмом революционного движения в Вене, и, таким образом, оказалась в лагере контрреволюции.

Поражение пражского восстания и наступление второго этапа в чешском движении не означали, однако, полного подавления чешского национального движения, как это утверждает проф. Р. А. Авербух⁹⁹. Напротив того, июньское восстание в Праге, явившееся для Австрии фактически единственным, кроме Вены, вооружённым выступлением пролетариата, мелкой буржуазии и радикальной интеллигенции, способствовало оформлению движения различных классов и политических направлений чешского общества, показало подлинное лицо этих классов и политических направлений. В связи с этим июньское восстание имело весьма существенное значение для всей дальнейшей политической жизни Чехии. Гром сражений в Праге поднял на борьбу чешское крестьянство против помещиков, как чешских, так и немецких. Крестьяне стали громить замки и усадьбы¹⁰⁰. Крестьянство могло превратиться в важнейший фактор революции, если бы чешская буржуазия возглавила крестьянские массы, выдвинула в ходе революции такие лозунги, которые соответствовали бы их интересам и объединили бы всё чешское крестьянство. Главным лозунгом, который поднял бы крестьянство на борьбу, должен был бы быть лозунг предоставления крестьянам обрабатываемой ими земли.

Крестьянам нужна была земля, и тот, кто указал бы им способ получения её, стал бы их вождём. В условиях 1848 г. в Чехии таким вождём могла бы стать чешская буржуазия. Но её радикально-демократическое крыло с поражением пражского восстания было разгромлено и подверглось преследованиям, сделавшим для него невозможным агитацию в деревне. Либеральное же крыло чешской буржуазии, воочию увидев чешских пролетариев и крестьян вооружёнными, почувствовало в них своего врага и с июня 1848 г. резко повернуло вправо, стремясь союзом с реакцией обеспечить «спокойствие» в стране.

Одним из важнейших следствий пражского восстания явилось то обстоятельство, что теперь в значительно более определённой степени обнаружались те направления и тенденции в чешском обществе, которые

⁹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. Т. VI, стр. 185.

⁹⁹ Новая история. Ч. I, стр. 337.

¹⁰⁰ Maly. Op. cit., II, str. 87.

до того времени были скрыты под общими лозунгами борьбы за исторические права земель чешской короны. Мы уже видели, как от движения отошло в самом его начале дворянство, как отошли от него затем и немцы. Теперь раскол определился и в лагере чешской буржуазии. Этот раскол привёл к возникновению двух борющихся между собой партий: национально-либеральной и радикально-демократической. Это не значит, однако, что политика чешской буржуазии до пражского восстания была единой. Как уже указывалось, ещё до 1848 г. существовали два главных направления в чешской политике. Центром одного из них было тайное общество «Рипиль», центром другого — легальные общества и организации: «Мещанская Беседа», «Промышленное общество» и др.

Споры между ними происходили вначале по вопросам тактики, способов осуществления своих политических стремлений, а также по вопросу об отношении к дворянству и др. Но вопросом, расколовшим единую национальную партию чешской буржуазии на две партии, явилось отношение к пражскому восстанию¹⁰¹. Если одни из них, ядром которых снова были рипилисты, считали восстание величайшей заслугой чешского народа, видя единственный путь достижения своих целей в вооружённой борьбе, то другие, руководимые Ф. Палацким, осуждали его, решительно выступая против революционных методов в политике.

Среди членов возникшей национально-либеральной партии мы видим Ф. Палацкого, Ф. Ригера, К. Гавличка, А. Пинкаса, Ф. Браунера, В. Гобблера, К. Томичка, П. Шафарика, И. Коудека, П. Трояна, В. Томка, К. Эрбена, И. Иречка и др. Политическая программа и практическая деятельность этой партии имели главной целью, воспользовавшись разгромом революционно-демократических сил, направить происходившее в различных классах чешского общества движение в общее русло борьбы за осуществление исторических прав чешской короны, за автономию чешских земель в рамках империи Габсбургов. Представители этой партии, вошедшие в собравшийся вскоре в Вене рейхсрат, выступали при обсуждении конституционных и других вопросов за избирательное право, основанное на цензе, за двухпалатную систему, за выкуп феодальных повинностей.

Национально-либеральная партия была партией главным образом буржуазной, но связанной и с дворянскими кругами.

Не желая замечать и осуждать вопросы об удовлетворении требований рабочих, либералы в то же время всячески стремились к сохранению союза с чешским дворянством. Сосредоточив свою деятельность исключительно в законодательных органах, они постоянно осуждали всякую революционную деятельность, всякий радикализм и демократизм. Занимая в рейхсрате реакционную позицию, выступая против революционной Вены и Венгрии, эти чешские политики справедливо заслужили суровую оценку истории и уже тогда были резко осуждены Марксом и Энгельсом.

Являясь решительными противниками революции и демократии, эти политики избрали путь сотрудничества с монархией против революционной Вены и Венгрии. Императорский двор, стремясь использовать национальное движение в Чехии в своих контрреволюционных целях, манил чешских политиков целым рядом обещаний и обязательств, всячески способствуя разжиганию национальной розни между чехами и немцами. Благодаря этой коварной политике ему удалось добиться того, что чешские депутаты рейхсрата образовали в нём правое крыло, открыто выступавшее против всяких революционных и демократических тенденций. Однако и этот путь не привёл к осуществлению чешских национальных стремлений. Проекты нового конституционного устройства Австрии на федеративных

¹⁰¹ T o b o l k a «Politické dějiny československého národa». I, str. 150; M a s a r y k. Op. cit., str. 62.

началах, составлявшиеся и защищавшиеся Палацким, Ригером и другими чешскими депутатами рейхсрата сначала в Вене, а потом в Кромержиже, так и не осуществились.

Вся их деятельность, субъективно направленная к осуществлению федеративных принципов, объективно способствовала успехам централизма и абсолютизма в Австрии.

К партии радикально-демократической¹⁰² принадлежали К. Сладковский, И. Фрич, К. Сабина, Э. Арнольд, П. Хохолоушек, К. Штефан, Ф. Копп, И. Кнедльганс-Либлинский, Славомир Вавра, В. Вавра-Гаштальский, В. Гауч и др. В отличие от первой партии, радикальные демократы стремились развернуть свою агитационную и пропагандистскую деятельность среди широких народных масс.

Основной социальной базой партии были мелкая буржуазия, ремесленники, студенты и часть рабочих. Представители этой партии, находившиеся под влиянием идей французского социализма, стояли на демократических позициях, поддерживали связи с немецкими демократами и считали необходимыми революционные методы борьбы. Не будучи представленными в рейхсрате, они на страницах своих газет выступали против позиции его чешских депутатов, высказываясь за всеобщее избирательное право, однопалатную систему, отмену феодальных повинностей без выкупа¹⁰³. Они открыто подчёркивали свою солидарность с венскими и венгерскими революционерами.

Политическим центром радикально-демократической партии была «Славянская липа», многочисленные филиалы которой использовались радикалами для связи с народными массами и для агитации среди них. Приняв активное участие в пражском восстании, они подверглись после его подавления преследованиям и репрессиям, но не прекратили своей деятельности и не отказались от борьбы.

Октябрьская революция в Вене, по отношению к которой представленные в рейхсрате депутаты от национально-либеральной партии заняли враждебную позицию, имела своим откликом в Чехии новую попытку чешских демократов подготовить восстание. В числе инициаторов и организаторов его снова выступают Иосиф Фрич и К. Сабина, по инициативе которых было создано тайное общество «Чешско-моравское братство», вступившее в связь с немецкой радикально-демократической молодёжью и развернувшее через филиалы «Славянской липы» агитацию среди рабочих, студентов, а также в деревне.

Однако в деревне радикал-демократов постигла серьёзная неудача: им не удалось привлечь на свою сторону чешское крестьянство. Это произошло прежде всего вследствие непонимания, недооценки ими аграрного вопроса. Продолжавшиеся в стране волнения крестьян уже к лету 1848 г. поставили австрийский рейхсрат перед настоятельной необходимостью аграрной реформы. Само собой понятно, что при подготовке этой реформы рейхсрат исходил прежде всего из стремления прекратить крестьянское движение и предотвратить безвозмездную ликвидацию феодальных повинностей. Принятый рейхсратом 7 сентября 1848 г. закон предусматривал отмену барщины и других феодальных повинностей за выкуп. В таких условиях крестьянство могло быть привлечено радикал-демократами на свою сторону лишь лозунгом предоставления земли крестьянам. Но радикал-демократы не выдвинули этого лозунга, и их попытка привлечь крестьян к восстанию обещанием отмены ипотеки не удалась.

Несмотря на то, что восстание организационно было совершенно неподготовленным, всё же, когда в Германии началась вооружённая борьба за имперскую конституцию, чешские демократы назначили на-

¹⁰² Tobilka «Politické dějiny». I, str. 149—150; Masaryk. Op. cit., str. 50—54; Traub. Op. cit., str. 90—91; Heidler «A. Springer a česká politika», str. 41—43.

¹⁰³ Tobilka. Ibidem, str. 150.

чало восстания в Праге на 12 мая 1849 года. Но правительству удалось раскрыть заговор, и за два дня до назначенного срока все его руководители и участники были арестованы и преданы суду. Правительство воспользовалось раскрытием заговора для целого ряда репрессивных мер, надолго лишивших демократов возможности вернуться к политической деятельности. Решением военного суда многие участники заговора были приговорены к смертной казни или к длительному тюремному заключению. Среди осуждённых были: И. Фрич, К. Сабина, К. Сладковский, Э. Арнольд и другие. «Славянская липа» была распущена. Радикально-демократическая партия фактически перестала существовать.

С возникновением национально-либеральной и радикально-демократической партии не закончилась дифференциация в среде чешской буржуазии. После октроирования централистической конституции 4 марта 1849 г., восстановившей в Австрии абсолютизм, национал-либералы поняли, наконец, что их надежды на императорскую милость тщетны, и объявили себя в оппозиции к правительству. Но национально-либеральная партия не оказалась единой. Правое её крыло, руководимое графом Львом Туном, историками В. Томком и К. Эрбенем, писателем И. Иречком, журналистом В. Пицеком, объявило о своём согласии с политикой правительства, откололось от национал-либералов и образовало правительственную «консервативную партию»¹⁰⁴.

Объявившие же себя в оппозиции к правительству национал-либералы, пожинавшие теперь плоды своей антинародной политики, которая оттолкнула от них народные массы, оказались неспособными занять сколько-нибудь значительное место в политической жизни страны. Таковы были последствия политики чешской либеральной буржуазии, возглавленной Палацким. Стремясь теоретически к некоторым преобразованиям австрийского государственного устройства в направлении предоставления чешской буржуазии равных прав с буржуазией немецкой, Палацкий и его сторонники единственный путь такого преобразования видели в реформах сверху, боясь прежде всего участия народа в этом преобразовании. В связи с этим на практике каждый раз, когда в ходе 1848—1849 гг. возникал вопрос, с кем идти: с народом или с монархией, с силами демократии или с реакцией, стать ли на сторону революции или контрреволюции, они всегда становились на сторону монархии против народа, поддерживали реакцию и контрреволюцию против революции и демократии. Политика чешских либералов в этот период помогла восстановлению в Австрии абсолютизма.

Однако революционное движение 1848 г. не прошло бесследно. Значение этого движения состоит прежде всего в том, что с отменой барщины и других феодальных повинностей и с ликвидацией ряда привилегий и преимуществ чешского дворянства средневековые отношения в деревне были уничтожены. Это обстоятельство оказало в дальнейшем огромное влияние на экономическое развитие Чехии, на быстрый рост в ней капиталистических отношений.

Значение этого движения состоит также и в том, что в ходе событий 1848 г. проявился и оформился целый ряд течений и направлений в среде чешской буржуазии, интеллигенции и дворянства, вступивших таким образом на арену политической борьбы. Именно в тот период сложились и оформились два главных направления в среде чешской буржуазии, послужившие основой для возникновения в дальнейшем партий старочехов и младочехов.

Значение этого движения состоит, наконец, в том, что в 1848 г. впервые с оружием в руках выступает чешский пролетариат, становясь, таким образом, важнейшим фактором революционного движения.

¹⁰⁴ Tobilka «Politické dejiny», I, str. 151.

Вместе с тем пробуждается к политической жизни и чешское крестьянство.

Все эти обстоятельства сыграли весьма важную роль в дальнейшем ходе политической и национальной борьбы чешского народа.

Приведённые выше факты свидетельствуют о том, что политическое движение чешского народа в 1848—1849 гг. имело два главных этапа. Первый из них, характеризовавшийся подъёмом революционного движения и продолжавшийся с марта по июнь 1848 г., полностью поддерживался Марксом и Энгельсом. Это целиком совпадало с их главной линией в политике в 1848 г., заключавшейся в поддержке всего того, что помогало революции, что было на пользу революции. Второй этап, продолжавшийся с момента поражения июньского восстания до восстановления абсолютизма, характеризовался переходом руководства чешским движением в руки либеральной буржуазии и переходом последней на сторону реакции и контрреволюции. Известно, что Маркс и Энгельс чрезвычайно резко выступали против политики, проводившейся чешской либеральной буржуазией на этом, втором этапе. Это полностью совпадало с их главной линией в политике в 1848 г., заключавшейся в борьбе против всего того, что вставало на пути революции, что наносило вред революции.

В связи с этим очевидно, что было бы неправильным и противоречащим исторической действительности оценивать всё движение всего чешского народа на протяжении всего периода 1848—1849 гг. как реакционное и контрреволюционное.

Напротив того, факты говорят о том, что значительная часть чешского народа приняла активное участие в революционном движении 1848 года.

Нет сомнения в том, что изучение революционного движения 1848 г. в Чехии, как и в других славянских странах, является важной задачей советских историков.